

Флибустьеры и рукописное наследие М.А. Булгакова

© 2023, П.А. Дружинин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию недавно выявленного автографа Михаила Булгакова. Речь идет о дарственной надписи писателю Викентию Вересаеву на книге Михаила Майзеля «Краткий очерк современной русской литературы» (1931). Автор описывает эту находку и полемизирует с учеными, которые склонны видеть в этом инскрипте подлинную рукопись Михаила Булгакова со свойственными булгаковскому наследию синтаксическими и лексическими особенностями. Предлагая собственную точку зрения на эту дарительную надпись, автор сопоставляет текст рукописи с подлинными фактами биографии Михаила Майзеля, который представлен в этой дарительной надписи в образе флибустьера. Анализируется правомочность применения морской лексики, приводятся примеры ее употребления в романе «Мастер и Маргарита», доказывается, что нет никаких оснований связать с образом флибустьера Михаила Майзеля. Изучение эпистолярия Михаила Булгакова позволяет предположить, что мы имеем дело с переработкой булгаковского письма, в котором с использованием морской лексики нарисован образ Всеволода Вишневского, что имело необходимые основания и подтверждается его биографией. Автор приходит к выводу, что новонайденный автограф представляет собой литературную мистификацию, созданную с использованием подлинных текстов Михаила Булгакова. Этот конкретный пример важен не только для привлечения внимания к необходимости тщательного рассмотрения вновь выявляемых автографов писателей, но и в качестве доказательства действенности филологических методов для распознавания фальсификатов рукописей классиков русской литературы.

Ключевые слова: язык писателя, текстология, Михаил Булгаков, рукописи, автографы, мистификации, фальсификаты.

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Для цитирования: Дружинин П.А. Флибустьеры и рукописное наследие М.А. Булгакова // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 171–193. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-171-193>

Фальсификация рукописей классиков русской литературы представляется нам одним из актуальных вопросов текстологии. Само явление фальсифицирования автографов писателей достигло в последние десятилетия столь серьезных масштабов, что остается лишь наблюдать, как фальсификаты влияют на течение историко-литературной науки.

По нашим наблюдениям, наиболее серьезное воздействие фальсификата испытывает текстология Анны Ахматовой [5], однако и другие русские классики русской литературы не обделены вниманием мистификаторов. Усугубляется ситуация тем, что уровень текстологической подготовленности ученых-филологов порой оказывается недостаточным для того, чтобы критически рассматривать письменные источники, или же желание быть первым публикатором ранее неизвестного автографа порой оказывается столь сильным, что ученый оставляет вопрос критики источника в стороне. Так фальсификат может проникнуть в корпус сочинений писателя, после чего борьба с ним становится еще более сложной: «Произведение, даже на основании самой легкомысленной атрибуции, легче ввести в корпус работ того или иного писателя, чем на основании самого серьезного анализа его из него вывести» [15, с. 102].

Небольшой пример. В 1999 г. в разделе «Dubia» собрания сочинений Анны Ахматовой увидело свет стихотворение «Юдифь», хотя в комментарии было сказано, что «характер почерка и художественная слабость вызывают сомнение» в принадлежности Ахматовой этого произведения [1, с. 510]. Вопрос о художественном уровне является скорее субъективным, и у многих писателей мы можем найти «слабые» произведения, но для невключения «Юдифи» в собрание сочинений было достаточно и более серьезных доводов; основной — сомнительность почерка рукописи. Однако Н.В. Королева приняла единоличное решение поместить «Юдифь» в собрании сочинений. Ответ исследователей Ахматовой был однозначным: Р.Д. Тименчик назвал стихотворение «унылыми самопальными виршами» [17, с. 67], В.В. Мусатов счел текст «мистификацией» [13, с. 463], В.А. Черных в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» назвал «Юдифь» «несомненной подделкой» [18, с. 154] и т. д. Тем

не менее, даже в наши дни мы можем с удивлением прочесть, что это «стихотворение А. Ахматовой» представляет собой «отчетливый пример восприятия Юдифи как своего рода воительницы в русской литературе Серебряного века и одновременно введения любовного мотива в легендарный сюжет» [10, с. 246].

Перейдем непосредственно к предмету нашего интереса — рукописному наследию Булгакова, а конкретно — к его дарительной надписи В.В. Вересаеву (1867–1945) на книге М.Г. Майзеля (1899–1938) «Краткий очерк современной русской литературы» (1931). Обретенный в 2020 г. экземпляр этой книги, в тексте которой отчеркнуты упоминания Булгакова, имеет обширную надпись чернилами на свободном листе первого форзаца:

Дорогой Викентий Викентьевич,
с okazji передаю Вам опус
(к ночи помянутого с Вами
— 10/IX) персонажа, о коем
мною уже получены
многочисленные аттестации,
траурнее одна другой.
Внешне: открытое лицо,
работа «под б... а», в настоящее
время крейсирует по
Москве. Меня уверяют,
что есть надежда,
что его догонит в один
прекрасный момент
государственный корвет,
и тогда флибустьер
пойдет ко дну в два счета.

Да и черт с ним, с
флибустьером! Дело в
том, что же делать
дальше?

Ваш Михаил Булгаков.

Укажем сразу на несколько обстоятельств, одновременное соседство которых побудило нас рассмотреть эту рукопись и поделиться своими соображениями. Первое — это кажущаяся нам неестественной вымученность почерка в целом: совершенно нехарактерная для Булгакова округлость букв, а также неровность почерка, свидетель-

Дорогой Викентий Викентович,
 с оказией передаю Вам книгу
 (книга полнотного с Вами
 - 10. /X) переделки, о коей
 много уже получены
 многочисленные аттестации,
 траурнее одна другой.
 Внешне: открытое лицо,
 работа "под б... а" в надежде
 время крейсирует по
 Москве. Мелко уверяют,
 что есть надежда,
 что его догонит в один
 прекрасный момент
 государственной корвет,
 и тогда флибуэтер
 пойдет ко дну в два счета.
 Да и черт с ним, с
 флибуэтерами! Дело в
 том, что же делать
 дальше?

Ваш Михаил Булгаков

Надпись на книге М.Г. Майзеля (1931).

Позднейшая имитация рукописи М. А. Булгакова

The inscription on the book of Mikhail Mayzel' (1931)

Imitation of the handwriting of Mikhail Bulgakov, 2010s

ствующая, по нашему мнению, о том, что слова были написаны не сразу целиком, а выводились по буквам, чтобы быть похожими на почерк Булгакова; загибы слов в конце строки, наблюдаемые в этом автографе, абсолютно нехарактерны для подлинных булгаковских рукописей. Второе — наличие двух экспертных заключений на бланках государственных учреждений (экспертиза о подлинности Российской Государственной библиотеки за подписью Ю.С. Белянкина и текстологическая экспертиза Музея-квартиры М.А. Булгакова за подписью М.А. Котовой)¹, которые подтвердили важное значение этого инскрипта для булгаковского наследия. Третье — богатая лингвистическая палитра, которая сразу восстановила в нашей памяти булгаковские тексты и побудила возразить специалистам и учреждениям, причастным к верификации новооткрытой рукописи М.А. Булгакова.

Не затрагивая вопросы графологической экспертизы, оставляя их обладателям специальной квалификации и всем желающим, рассмотрим рукопись с точки зрения науки о литературе. Прежде всего, расскажем о мнениях коллег, с которыми мы будем полемизировать. В упомянутых авторитетных экспертизах мы видим множество биографических сведений о М. Булгакове, М. Майзеле и В. Вересаеве, а также предположения относительно времени создания рукописи: «Автограф не датирован, так как имеет характер пояснительной записки, а не дарственной надписи, которая обычно сопровождается авторской датировкой. Можно предположить, что Булгаков, внимательно следивший за отзывами критиков (газетные и журнальные вырезки он собирал в специальный альбом, а книги хранил в своей библиотеке), обнаружив книгу Майзеля, ознакомился с характеристикой в свой адрес, подчеркнул соответствующие места и передал книгу Вересаеву. Вероятно, между разговором с В. Вересаевым и передачей книги прошел небольшой срок, так как Булгаков, во-первых, точно помнит дату упоминания Майзеля в разговоре с Вересаевым, а во-вторых проставляет только число и месяц. На мой взгляд, эти обстоятельства позволяют датировать автограф октябрем-декабром 1931 года. В это время Булгаков находится в Москве...» (М.А. Котова)

Также она пишет, что после письма Булгакова Сталину в марте 1930 г. отмечаются «попытки Булгакова выяснить, кто плетет против него интриги во власти, настраивает Сталина против него и препятствует их личной встрече. Обо всем этом он советовался с Викентием Вересаевым. По-видимому, книга и автограф явились продолжением

¹ Копии хранятся в архиве автора.

этих летних конфиденциальных разговоров о том, как Булгакову поступать и что делать, чтобы добиться приема у Сталина».

Без особенных замешательств связывается этот автограф и с биографией М.Г. Майзеля: «“Надежды” Булгакова в конце концов сбылись, т. к. М. Майзель попал под государственную “машину” через несколько лет» (Ю.С. Белянкин).

Оба эксперта отмечают строки в книге М.Г. Майзеля, посвященные Булгакову: он провозглашен одним из предводителей «плеяды новобуржуазных писателей», чья «Белая гвардия» в действительности является «апологией чистой беловардейщины» и т. д. [12, с. 128]. Строки эти выделены в экземпляре. Отметки сделаны «по-видимому, рукой Булгакова» (Ю.Н. Белянкин), или же «могли быть сделаны рукой получателя книги Викентия Вересаева или, что более вероятно, самим Булгаковым» (М.А. Котова).

В экспертных заключениях подчеркивается значение экземпляра «в связи с его мемориальностью, автографичностью и значительной историко-культурной ценностью» (Ю.Н. Белянкин). М.А. Котова, хотя и с оговоркой, что «для полного подтверждения авторства автографа необходима графологическая экспертиза», заключает: «Исследование биографических фактов и литературного контекста, сличение почерка этого автографа с другими автографами М.А. Булгакова, анализ синтаксиса и лексики данного автографа дают основание предполагать, что он выполнен М.А. Булгаковым».

Роднит эти две экспертизы, отличные как по знанию предмета, так и по пониманию реалий булгаковской биографии, наличие схожих умолчаний. Первое — ни один из экспертов никак не комментирует оборот «работа “под б... а”», то есть мы даже не догадываемся, что за слово, которое М.А. Булгаков предпочел скрыть в таком достаточно доверительном тексте. Второе — мы так и не понимаем, был чем-то в биографии писателя знаменателен день упомянутой встречи «10/X», или же этот день оказывается ничем не примечательным, раз оставлен экспертами без особого внимания. Впрочем, быть может, эти недомолвки в рукописи — лишняя монета в копилку подлинности: они лишь подтверждают булгаковскую таинственность. Не будем забывать, что Булгаков «был веселый мистификатор — и в сочинениях своих, и в жизни» [8, с. 24].

Интересны и собственно текстологические наблюдения специалистов: «В представленном автографе употреблены характерные для М.А. Булгакова синтаксические конструкции и лексика. Например, морские термины из автографа также встречаются в черновике романа “Мастер и Маргарита”, над которым писатель в это время

работал. В черновой редакции романа упоминается и флибустьер Арчибальд Арчибальдович, заведующий рестораном дома Грибоедова, и корвет: “Лгут оболыстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете, и не плывут в них отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корвет, не стелется над волною пушечный дым. Нет ничего, и ничего и не бывало! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар”» (М.А. Котова).

Со своей стороны, мы не можем сказать, что доводы двух экспертов кажутся нам убедительными. Более того, у нас возникают и серьезные вопросы, на которые мы и сами не находим ответа. Например, почему критик М.Г. Майзель, который считается одним из прототипов осведомителя барона Майгеля из «Мастера и Маргариты» [9, с. 44–46], оказывается облачен Булгаковым в костюм флибустьера, то есть морского пирата?

Разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые [2, с. 10].

Посмотрим внимательнее на биографию М.Г. Майзеля и постараемся увидеть в нем флибустьера. Однако не получается: с морем он не был связан ни до, ни во время своей деятельности как ректора Рабочего Литературного университета в Ленинграде:

Во время Гражданской войны 4 года находился в рядах Красной Армии (политотдел Западного фронта, политотдел 6-й отдельной армии, политуправление Петроградского военного округа), 2,5 года занимался газетой и политической работой на строительстве Хибингорска [6, с. 183].

Можно возразить, следуя за мыслью эксперта Ю.С. Белянкина, что Булгаков, рисуя смерть Майгеля, «этого отпетого негодяя-барона» от руки Азазелло на балу у Воланда, мог догадываться о реальных обстоятельствах конца жизненного пути литературного критика. А конец этот был печальным: 5 ноября 1936 г. М.Г. Майзель был арестован, и 23 декабря выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговорила его к десяти годам тюремного заключения, которые он начал отбывать на Соловках. Об аресте Майзеля, конечно же, было известно современникам. События осени 1937 г., когда Особая Тройка УНКВД ЛО вынесла Майзелю смертный приговор, приведенный в исполнение 4 ноября 1938 г. [6, с. 182–183], были сокрыты. Но, в любом случае, выглядит довольно фантастически, чтобы Булгаков в начале 1930-х гг. был способен напророчить М.Г. Майзелю столь печальный финал.

Нелишним показалось нам озаботиться следующим вопросом: а знал ли Булгаков вообще о таком зоиле, как Майзель? Учитывая контекст, для решения этого вопроса достаточно обратиться к перечням литераторов, которые участвовали в травле М.А. Булгакова. Всего известно три списка, которые были составлены самим писателем с участием Е.С. Булгаковой, и имена в них частично дублируются.

Он очень ревниво относился к своему литературному имени. Поэтому педантично вырезал (а позже — заставлял Лену) и наклеивал в альбом все отзывы и заметки о себе. Составился целый том (он сохранился) — почти ни одного доброго слова, сплошь нападки, а то и клевета, похожая на донос. Имена своих «критиков» он запоминал и запомнил на всю жизнь. Передал Лене как эстафету весь черный список этих имен. Она наизусть их знала. Назовешь, бывало, имя вроде бы доброжелательное, а она тут же — «ах, ну да, помню, это тот самый...» Как бы тот ни распинался в своей давней преданности «незабвенному нашему писателю», не было ему прощения [8, с. 68].

Булгаков не только отмечал наиболее болезненные удары, но и старался фиксировать отзывы современников о своем литературном творчестве. О скрупулезности писателя в этом вопросе мы узнаем из его обращения к Правительству СССР от 28 марта 1930 г.:

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни [2, с. 444].

Итак, сохранились три списка булгаковских пасквильянтов. Первый, начатый во второй половине 1920-х гг., — «Список врагов М. Булгакова по “Турбиным”» включает 30 имен; второй, без названия, насчитывает 44 имени; и, наконец, третий — «Авторы ругательных статей о Мише (см. толстую книгу вырезок, составленную Мишей)» — 57 персоналий [3, с. 202–203]. Однако имени М.Г. Майзеля нет ни в одном (!) из этих перечней, что оказывается достаточно важным в контексте историко-литературного сюжета, центром которого является автограф Булгакова Вересаеву на книге Майзеля.

Сказанное как минимум обозначает, что упоминание в книге Майзеля не оказало сколько-нибудь чувствительного воздействия на писателя, если эта книга вообще была замечена или прочитана Булгаковым: все-таки в словах Майзеля (несколько абзацев в большой книге, в которой Булгаков отнюдь не самый побиваемый) к 1931 г. для писателя не было ничего нового или необычного, да и не обещало никаких особенных последствий. Т. е., на наш взгляд, вполне возможно, что Булгаков вовсе не обращался к этому сочинению; тем более, что «статьи и книги, толкующие ученым языком о литературных приемах, жанрах, влияниях, анализирующие эти приемы и жанры, вызывали у него удивление и скуку» [8, с. 69].

Таким образом, мы не находим подтверждений знакомства Булгакова с книгой Майзеля, не видим имени критика в обширных списках булгаковских обидчиков, не встречаем фамилии критика не только в переписке с В.В. Вересаевым, но и во всем обширном корпусе булгаковского эпистолярия. Все это лишь укрепляет наше сомнение в подлинности столь цветистого текста.

Основное же, что привлекает в этой рукописи — нарочитое использование морской лексики, уже отмеченное М.А. Котовой. Рассматривая случаи ее употребления Булгаковым, обратимся к другому герою романа «Мастер и Маргарита». Речь о директоре писательского ресторана Арчибальде Арчибальдовиче, который с фотографической достоверностью [8, с. 54] списан Булгаковым с Я.Д. Розенталя, однако с добавлением в его образ морской романтики:

В зелени трельяжа возникла белая фрачная грудь и клинообразная борода флибустьера. <...> Авторитет Арчибальда Арчибаль-

довича был вещью, серьезно ошутимой в ресторане, которым он заведовал... [2, с. 344].

...Было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукояти пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и ПЛЫЛ

- 1 -

27. III 32
Михаил

Павлу П.

Дорогой Павел Сергеевич!

С. П. Вам вам композ.

Нет, нет, дружок, дело не в ханжальском
стремлении. Пасса находится не в Анж-
Сендринском (Ан-Драма), а в Большом
Драматическом театре (БДТ) на Фок-
танке в № 65.

Но если, вернее, находится, потому что
сейчас он находится в земле.

Почитал же ее, как я Вам только
собою, некий драматург, о нем много
уже писали многообразные авторста-
ции. И авторствами эти одна траурнее
другой.

Взгляни: открыта ли работа под бра-
тишки, в настоящее время разыскивает в
Минске.

Мне уверяют, что есть надежда, что его

Подлинное письмо М.А. Булгакова П.С. Попову, 27 марта 1932 г.
(НИОР РГБ. Ф. 218. Карм. 1269. Е. х. 4. Л. 11–11об)

The original Mikhail Bulgakov's letter to Pavel Popov, March 27, 1932.
(Russian State Library, Moscow)

в Караибском море под его командой бриг под черным гробовым флагом с адамовой головой. Но нет, нет! Лгут обольстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете, и не плывут в них отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корвет, не стелется над волною пушечный дым [2, с. 61].

Эта лексика не только «характерна» для языка Булгакова, но использована для описания одного вполне конкретного персонажа романа «Мастер и Маргарита», образ которого нарисован писателем в его художественном произведении, хотя и не имеет отношения к реальной биографии прототипа.

Дожидит в водах претривенный момент соуд-
дородякный курбет, идущий под великим фла-
гом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в
два счета.

Но у меня этой одежды никаких нет,
(испуганно не смею даже думать)
Да, geht с ним, с флибустьером! Сам он
меня не переубедит. Для меня geht более
важно: это же это, в книге ст-
уб, будет с «Малышом» в Москве. Ведь
такие мелочи в каждом суде.

Да да, тогда Сергей, Ермаков да
бы куплю писателю. Полно-Ильи-
федоров 32 г. Которые «Воскресенье»
Там, впрочем, и где-то Ермаков след
убийств.

Вот такая кампания. В каждом суде, как
вспомню за него, напишет больше всего.
Устал. Везде оставит место.
Идите предостереженно. Аки Ильяшкине
лет правят! Ваш Михаил

В контексте рассматриваемого вопроса значительный интерес представляет морская лексика в эпистолярии М.А. Булгакова. Приведем фрагмент из письма писателя своему другу П.С. Попову (1892–1964) от 27 марта 1932 г., в котором М.А. Булгаков повествует о печальной судьбе постановки «Мольера»:

Пьеса находится не в Александринском (Ак-Драма), а в Большом Драматическом Театре (БДТ) на Фонтанке в № 65.

То есть, вернее, находилась, потому что сейчас она находится в земле.

Похоронил же ее, как я Вам точно сообщаю, некий драматург, о коем мною уже получены многочисленные аттестации. И аттестации эти одна траурнее другой.

Внешне: открытое лицо, работа «под братишку», в настоящее время крейсирует в Москве. Меня уверяют, что есть надежда, что его догонит в один прекрасный момент государственный корвет, идущий под военным флагом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в два счета.

Но у меня этой надежды нисколько нет (источник не солидный уверяет).

Да черт с ним, с флибустьером! Сам он меня не интересует. Для меня есть более важный вопрос: что же это, в конце концов, будет с «Мольером» вне Москвы. Ведь такие плавают в каждом городе [2, с. 474–475].

Это еще один флибустьер, нарисованный пером М.А. Булгакова. Однако это не герой романа, а вполне реальный человек, причем удивительно схожий по своим очертаниям с героем автографа В.В. Вересаеву. Насколько в данном случае морская лексика может быть применима к герою повествования? Всецело. Ведь в этом письме речь идет о совсем другом неназванном литераторе — В.В. Вишневском (1900–1951), писателе-моряке и орденоснце, который даже в обычной жизни ходил в морском кителе: «В ту пору Вишневский — человек строя, четких воинских навыков: командирское поскрипывание ремней, галифе, сапоги, кобура» [14, с. 164, примеч. 4].

Военно-морская биография В.В. Вишневского была богатой:

Подростком прошел Первую мировую войну, затем — гражданскую: Волжская военная флотилия, корабль «Ваня-коммунист», пулеметчик морского десантного отряда «Грозный», командир отряда моряков; старший моторных катеров в Новороссийском во-

енном порту; Черноморский флот, служба на истребителях «МИ-18» и «Беспокойный»; Балтийский флот... С 1924 года — Военно-морская академия РККА, плавания, учеба... [11, с. 245].

Несмотря на то, что Вишневский «оставил замечательное пожелание и добрый совет нам — в осмыслении двадцатого века нашей истории и нашей литературы» [11, с. 269], в рамках нашего сюжета мы скажем лишь о том, что этот писатель сыграл не последнюю роль в биографии М.А. Булгакова: именно Всеволод Вишневский был виновником снятия пьесы Булгакова «Мольер» с афиши БДТ, а также инициатором нападков на «Дни Турбиных» во МХАТе, закончившихся запретом пьесы. Как впоследствии напишет Е.С. Булгакова, В.В. Вишневский был одним из «главных зачинщиков травли» писателя [4, с. 138]. А уверения некоторых литературоведов, что «в своих высказываниях он был прямолинейным, бескомпромиссным и резким, но, безусловно, искренним» [3, с. 502], едва ли облегчило участь Булгакова и его произведений.

Возвращаясь к описанию Вишневского-моряка, любопытно привести также фрагменты воспоминаний Н.К. Чуковского о писателе, которого он «знал и любил». В контексте письма Булгакова оказываются важны как самое начало, так и эпилог мемуара:

В самом начале тридцатых годов зимним вечером в Ленинграде в помещении писательской столовой на Невском никому не известный моряк прочитал нескольким случайно собравшимся слушателям свою пьесу. Я не присутствовал на этом чтении, но, когда на другой день я пришел пообедать, все завсегдагаи столовой только и говорили что об этом моряке и его пьесе. Редко мне случалось видеть таких пораженных и взволнованных людей.

— Что за моряк? — спросили.

— Удивительный! Настоящий братишка. Словно пришел из девятнадцатого года.

— А что за пьеса?

— Какая пьеса! — повторили кругом. — И как он читал, как читал! Слушаешь — и словно видишь все своими глазами! [19, с. 52]

Так и завершение:

Всеволод Витальевич умер через четыре года после окончания войны. <...> В гробу он лежал, как живой, в форме русского морского офицера, которую он так любил и которой так гордился. Моряки

говорили над ним речи, военно-морской оркестр играл траурный марш [19, с. 398].

Отдельно следует разъяснить значение слова «братишка», как и булгаковского «работа “под братишку”». В данном случае это тоже образец морской лексики — так матросы называли друг друга, что было синонимично обращению «товарищ, друг» [16, с. 609]. В те годы слово было в ходу, нашло широкое отражение в литературе — вспомним хотя бы главного героя известной пьесы В.Н. Билль-Белоцерковского «Шторм». Именно к 1932 г., когда было написано письмо Булгакова, относится и хрестоматийное для соцреализма полотно Ф.С. Богородского (1895–1959) «Братишка» — автопортрет художника в форме революционного матроса (воспроизведено в: [7, с. 129]).

Не только сопоставление рассматриваемого текста с биографией В.В. Вишневского убеждает нас в том, что речь в письме идет именно о нем, но и сам М.А. Булгаков в следующем письме П.С. Попову называет героя своего метафорического послания:

Этот Вс. Вишневский и есть то лицо, которое сняло «Мольера» в Ленинграде, лишив меня, по-видимому, возможности купить этим летом квартиру. Оно же произвело и ряд других подвигов уже в отношении других драматургов и театров. Как в Ленинграде, так и в Москве [2, с. 479].

И в полном соответствии с этими сведениями мы находим подтверждение в упоминавшемся выше перечне «авторов ругательных статей...» о писателе: В.В. Вишневский там поименован [3, с. 203].

Так, употребление М.А. Булгаковым морской лексики при описании флибустьера в письме П.С. Попову не только оправдывается реалиями биографии В.В. Вишневского, но и подтверждается документами из архива писателя. Чего нельзя сказать о личности М.Г. Майзеля: всякие попытки связать эту лексику с его именем терпят неудачу.

Все сказанное позволяет сделать аргументированный вывод о том, что инскрипт Вересаеву вряд ли можно считать автографом Булгакова. Сопоставление двух текстов со всей ясностью показывает, почему «синтаксис и лексика» инскрипта оказались исследователям созвучными синтаксису и лексике Булгакова: в случае с инскриптом Вересаеву мы имеем дело не с подлинным языком Булгакова,

а с «чахлой липой», заваренной на его основе, то есть банальным эпигонством.

Под пером мистификатора текст из письма П.С. Попову превращается в инскрипт В.В. Вересаеву, а сделанное в нем отточие придает ощущение «тайны». При этом эксперты, изучая текст инскрипта, не смогли не только вспомнить о существовании булгаковского письма, «синтаксис и лексика» которого были использованы (вспомнив, они бы разгадали ту самую «тайну»), но не смогли понять и смысл даты, которую им оставили в качестве наживки. В данном случае фальсификатор даже переоценил тех, кто будет анализировать его творчество.

Давайте посмотрим, что же за подпорка в виде даты была представлена автором инскрипта, чтобы пылкий ум, потрудившись, мог увидеть в ней лишнее подтверждение авторству Булгакова. Для понимания замысла достаточно обратиться к дневнику Е.С. Булгаковой: «10 октября <1933>. Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля с Калужским, Пята Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала» [4, с. 40].

Мистификатор приводит нас именно в этот осенний вечер 1933 г., как будто подталкивая к выводу: вот она, упомянутая встреча с В.В. Вересаевым. Но верификации не получается, поскольку возникают новые вопросы к этой мистификации уже в контексте записи Е.С. Булгаковой. Зачем обсуждать книгу М.Г. Майзеля спустя два года после ее выхода в свет, хотя вечер был посвящен чтению «Мастера и Маргариты»? И если бы в этом кругу и обсуждалась книга Майзеля (повторимся, мы не имеем подтверждений, что Булгаков вообще знал о ее существовании, нет подтверждений знакомства писателя с критиком), то почему же в экземпляре не отмечен раздел о присутствовавшей в тот вечер Ахматовой, которая причислена критиком к «внутренним эмигрантам» [12, с. 22], тому лагерю литераторов, к которому нередко причислялся критиками и сам Булгаков?

Учитывая, что мы смогли разобраться, какое хронологическое доказательство встречи Булгакова с Вересаевым было оставлено мистификаторами, скажем о том, что имя М.Г. Майзеля ни разу не упоминается и в дневнике Е.С. Булгаковой.

Указанные умолчания вряд ли возможны в контексте того сильнейшего впечатления, которое якобы книга Майзеля произвела на Булгакова, остававшегося в тревожном недоумении наедине с вопросом «Что же делать дальше?». Этим вопросом он якобы поделился и с Вересаевым. Однако если бы такая коллизия действительно имела место в биографии М.А. Булгакова, то она неизбежно бы нашла

Москва 2. VIII 1933
 Дорогой Викентий Викентьевич!
 Как вы чувствуете за себя в Моск.
 среде и что делаете?
 Прежде всего хочу рассказать
 Вам о своей поездке в Ленинград
 Там МХТ в духе тех лет
 и ~~исполнял~~ "Два турбинки". Вероятно
 События уехали и при попытке
 вернуть к себе там с тех пор
 ртн кь мнн не турини создавшие
 о том, что я работаю. И тогда
 гоним должен быть отсюда
 уехать.
 Вот мнн и поехали в Ленинград,
 здесь как трудно запомнить в
 руки эти работы.
 Тут уж не я, а Глеб Сергеевич
 борется с Мещинским, ка-
 рдиналом в 2-й и 3-й тур
 Нервский голв Кривошурт.
 Значит турини неведомы.

Подлинное письмо М.А. Булгакова В.В. Вересаеву, 2 августа 1933 г.
 (РГАЛИ. Ф. 1041. Он. 4. Д. 204. Л. 16-17)

The original Mikhail Bulgakov's letter to Vikenty Veresaev. August 2, 1933
 (RGALI. Coll. 1041. Aids 4. Fol. 204. P. 16-17)

свое отражение или в эпистолярной двух друзей, или же в дневнике Елены Сергеевны, которая описала этот вечер.

Возвращаясь к вопросу о языке М.А. Булгакова, да и вообще русскому литературному языку эпохи, отметим явную чуждость

писал это в отговору как он ¹⁶⁰⁰
 написавши переводы и много
 сожжера 5 тысяч. Кх, на два-
 десятка, он не передал по сему
 мемуару даже 5-та Конрек.
 Ужесточила задачу мне только
 в смерти и разрывали сему.
 Если Сергеевны через Александрин
 шлет телеграммы и высылает
 бат мемуаров, а я мемуар
 только об одном овершивом деле,
 куда она ответит чего и я,
 вернуль на мемуар отговору
 год, ем же на мемуар, что
 на сему два мемуар, друг
 Алексей Васильев.
 Я, буду я написать год
 1929-1931
 Я пишу на нем ^{вот мемуар}
 рече, если бы не сему
 дела на Туркестан. Не до го
 сех пер на сему и мемуар
 Кауфманский. На год он
 ме. На год. У рече мемуар
 мемуар.
 На больше чем и мемуар

им выражения «(к ночи помянутого с Вами — 10/IX) персонажа». Выражение «не к ночи [будь] помянут» без отрицательной частицы не употребляется [16, т. 7, с. 1432–1433], то есть мы сомневаемся, чтобы Булгаков вообще был способен такую фразу написать своей

об этом не буду!¹²
 Это вы делаете и так, Сергей
 Елизавета Сергеевна ушла рано, грехи-
 гошно интересно отжидается об
 этом житье! Мы с ней далеко там
 были от этой роли.
 А же кроме того, присидел же
 ноги над вами, погладил. Боже!
 Какое чудо. Какое чудо!
 В мезе же валился ба. Это
 в Миниморде и Гери же, и др.
 ханды в мезе камишечных, и
 стаям мезам с ринну и с р-
 нущем мезам с ринну и с р-
 жешити. Три года назад ринну.
 Зарен. Не знаю. А там и
 с ми севд. Тут уклад в мезе!
 Врину, и, в-в-в, оху брину
 Это, предити, потелуретя,
 Елиза Сергеевна и мезе предити
 Мозги Сергеевны.
 Мамы вы тодохити, ре-
 словы урину
 Ян Мухомор
 в Пироговсклад 35-а хв. 6.

рукой. И, возвращаясь к сказанному выше, трудно поверить, чтобы в соответствии со значением эта фраза, традиционно относящаяся к покойникам или чему-то нехорошему, магическому или даже дьявольскому, могла быть отнесена к М.Г. Майзелю. Дело не только в том, что нет подтверждений знакомства Булгакова с критиком и его книгой, но и в том, что вряд ли писатель в 1933 г. мог увидеть в Майзеле что-то инфернальное.

Примечательно, что 10 октября 1933 г. в квартире Булгаковых на Большой Пироговской, 35 при чтении «Мастера и Маргариты» присутствовали старшая сестра Елены Сергеевны — О.С. Бокшанская (1891–1948) с мужем Е.В. Калужским (1896–1966), П.С. Попов и его супруга с 1927 г. А.И. Толстая (старшая внучка Л.Н. Толстого; 1888–1954), Анна Ахматова и Викентий Вересаев. Т. е. там произошла встреча П.С. Попова — действительного адресата «характерных для М.А. Булгакова синтаксических конструкций и лексики» с В.В. Вересаевым, который был вымышлен в качестве получателя мистифицированной рукописи.

Но как бы эта мистификация ни была соблазнительна для наших современников, с точки зрения истории литературы она является вопиюще недостоверной.

Рассмотренный «автограф Михаила Булгакова» отнюдь не единственный флибустьер в рукописном наследии писателя. Упомянем о том, что получил одобрение специалистов инскрипт на книге В.В. Вересаева «Жизнь Пушкина» (Ростов-на-Дону, 1936): «Моей возлюбленной супруге и подруге жизни Леночке в День Твоего рождения. С любовью всегда твой. Михаил Булгаков 2 XI — 37 г.». Вероятно, не требуется объяснять решительную невозможность такого инскрипта — не только по причине его синтаксиса, но еще и потому, что хорошо известно, как обстояла работа М.А. Булгакова над «Пушкиным», отраженная в том числе и в дневниках Е.С. Булгаковой; все-таки в контексте истории работы над «Пушкиным» никак нельзя представить, чтобы Елена Сергеевна могла получить такой подарок от мужа в день своего рождения. Но и в данном случае автограф получил одобрение специалистов: эксперт О.В. Хромов в своем заключении от 9 февраля 2023 г. не только настаивает, что этот неряшливый по почерку инскрипт выполнен «быстрым, уверенным, ровным почерком с равномерным нажимом, характерным для автографов М.А. Булгакова», но и причисляет эту мистификацию к «особо ценным объектам культурного наследия РФ».

Литература

1. *Ахматова А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 2 / сост. Н.В. Королевой. 528 с.
2. *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма / подгот. текста и коммент. Л.М. Яновской, Г.А. Лескиса, В.В. Гудковой, Е.А. Земской. 734 с.
3. *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 10 т. / сост., предисл., подгот. текста В. Петелина. М.: Голос, 2000. Т. 10: Письма, Мой Дневник. 747 с.
4. Дневник Елены Булгаковой / сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. 398 с.
5. *Дружинин П.А.* Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1. С. 26–68.
6. *Дичаров З.Г.* Михаил Гаврилович Майзель, 1899–1937 // Распятые: Писатели — жертвы политических репрессий / автор-сост. З. Дичаров. СПб.: Всемирное слово, 1994. Вып. II: Могилы без крестов. С. 182–187.
7. *Ельшевская Г.В.* Модель и образ: Концепция личности в русском и советском живописном портрете. М.: Сов. художник, 1986. 214 с.
8. *Ермолинский С.А.* Из записок разных лет / публ. и примеч. Т.А. Луговской-Ермолинской. М., Искусство, 1990. 254 с.
9. *Золотоносов М.Н.* «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма. СПб.: Инапресс, 1995. 92 с.
10. *Зусева-Озкан В.Б.* Пьеса М.Е. Левберг «Дантон» (1919) и сюжет о Юдифи // Русская литература. 2022. № 1. 240–247. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-240-247
11. *Корниенко Н.В.* «Неужели судьба моя — вечно война, о войне...»: О дневниках Вс. Вишневского и нашем отношении к истории // Наш современник. 2015. № 12. С. 243–270.
12. *Майзель М.* Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 207 с.
13. *Мусатов В.В.* «В то время я гостила на земле...»: лирика Анны Ахматовой. М.: Словари.ру, 2007. 494 с.
14. Письма М.А. Булгакова П.С. Попову, 1931–1940 / публ. и коммент. В.В. Гудковой // Новый мир. 1987. № 2. С. 163–180.
15. *Рейсер С.А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 175 с.
16. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1967.
17. *Тименчик Р.Д.* [Рец. на кн.:] Кралин М.М. Победившее смерть слово: Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск: Водолей, 2000 // Новая русская книга. 2000. № 6. С. 67–69.
18. *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М.: Индикс, 2008. 767 с.
19. *Чуковский Н.К.* В осаде [О В.В. Вишневском] // Воспоминания Николая и Марины Чуковских / сост., вступ. ст. и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Книжный клуб 36,6, 2015. С. 352–398.

Research Article

Filibusters and Mikhail Bulgakov's Handwritten Legacy

© 2023. Petr A. Druzhinin

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article describes the recently discovered Mikhail Bulgakov's inscription and debates with the researchers who tend to interpret the inscription as the writer's genuine manuscript marked with the syntactic and lexical features characteristic of his style. The alleged autograph presents an inscription addressed to the writer Vikenty Veresaev on the Mikhail Meisel's book "A Brief Outline of Modern Russian Literature" (1931). Offering his own point of view on the inscription, the author compares the text of the manuscript with the true facts of Vladimir Meisel's biography, who is presented in this inscription in the image of a filibuster. The article analyzes the legitimacy of the use of maritime vocabulary, gives examples of its use in the novel *The Master and Margarita*, thus proving that there is no reason to associate Mikhail Maisel with the image of the filibuster. The study of Mikhail Bulgakov's epistolary suggests that we are dealing with the processing of Bulgakov's letter, in which the image of Vsevolod Vishnevsky is drawn using maritime vocabulary. The latter seems logical being confirmed by the facts of Vishnevsky's biography. Since the vocabulary refers to a completely different person and has Bulgakov's original manuscript as its source, it can be concluded that the newly found autograph is a literary hoax created using the original texts of Mikhail Bulgakov. This particular example demonstrates the effectiveness of philological methods for recognizing falsified manuscripts of the classics of Russian literature — a problem of textual criticism which remains salient.

Keywords: author's language, textual criticism, Mikhail Bulgakov, manuscript, signature, literary hoax, mystification, forgery.

Information about the author: Petr A. Druzhinin — PhD in History, Senior researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 12, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

For citation: Druzhinin, P.A. "Filibusters and Mikhail Bulgakov's Handwritten Legacy." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (28), 2023, pp. 171–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-171-193>

References

1. Akhmatova, A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.], vol. 2, book 2, comp. by N.V. Koroleva. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. 528 p. (In Russ.)
2. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.], vol. 5: Master i Margarita; Pis'ma [The Master and Margarita; Letters], text prep. and comm. by

L.M. Ianovskaia, G.A. Lesskis, V.V. Gudkova, E.A. Zemskaia. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 734 p. (In Russ.)

3. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.], vol. 10: Pis'ma, Moi Dnevnik [Letters, My Diary], comp., introd., text prep. by V. Petelin. Moscow, Golos Publ., 2000. 747 p. (In Russ.)

4. *Dnevnik Eleny Bulgakovoi* [Diary of Elena Bulgakova], comp., text prep. and comm. by V. Losev and L. Ianovskaia. Moscow, Knizhnaia Palata Publ., 1990. 398 p. (In Russ.)

5. Druzhinin, P.A. "Fal'sifikatsiia rukopisei Anny Akhmatovoi kak aktual'naiia problema tekstologii" ["Falsification of Anna Akhmatova's Manuscripts as Problem of Textual Criticism"]. *Siuzhetologiia i siuzhetografiia*, no. 1, 2023, pp. 26–68. (In Russ.)

6. Dicharov, Z.G. "Mikhail Gavrilovich Maizel', 1899–1937" ["Mikhail Gavrilovich Meisel, 1899-1937"]. *Raspiatyie: Pisateli — zherty politicheskikh repressii* [Crucified: Writers — Victims of Political Repressions], issue 2: Mogily bez krestov [Graves without Crosses], author and comp. Z. Dicharov. St. Petersburg, Vsemirnoe slovo Publ., 1994, pp. 182–187. (In Russ.)

7. El'shevskaia, G.V. *Model' i obraz: Kontseptsiiia lichnosti v russkom i sovetskom zhivopisnom portrete* [Model and Image: The Concept of Personality in Russian and Soviet Pictorial Portraiture]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1986. 214 p. (In Russ.)

8. Ermolinskii, S.A. *Iz zapisok raznykh let* [From Notes of Different Years], publ. and notes by T.A. Lugovskaia-Ermolinskaia. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 254 p. (In Russ.)

9. Zolotonosov, M.N. "Master i Margarita" kak putevoditel' po subkul'ture russkogo antisemitizma ["The Master and Margarita" as a Guide to the Subculture of Russian Anti-Semitism]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1995. 92 p. (In Russ.)

10. Zuseva-Özkan, V.B. "P'esa M.E. Levberg 'Danton' (1919) i siuzhet o Iudifi" ["M.E. Levberg's Play 'Danton' (1919) and the Plot of Judith"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2022, pp. 240–247. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-240-247 (In Russ.)

11. Kornienko, N.V. "Neuzheli sud'ba moia — vechno voina, o voine...": O dnevnikakh Vs. Vishnevskogo i nashem otnoshenii k istorii" ["Is My Fate Forever War, about War...": About Vs. Vishnevsky's Diaries and Our Attitude to History"]. *Nash sovremennik*, no. 12, 2015, pp. 243–270. (In Russ.)

12. Maizel', M. *Kratkii ocherk sovremennoi russkoi literatury* [Brief Outline of Modern Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1931. 207 p. (In Russ.)

13. Musatov, V.V. "V to vremia ia gostila na zemle...": lirika Anny Akhmatovoy ["At that Time I was Visiting the Earth...": Anna Akhmatova's Lyrics]. Moscow, Slovare.ru Publ., 2007. 494 p. (In Russ.)

14. "Pis'ma M.A. Bulgakova P.S. Popovu, 1931–1940" ["M.A. Bulgakov's Letters to P.S. Popov, 1931–1940"], publ. and comm. by V.V. Gudkova. *Novyi mir*, no. 2, 1987, pp. 163–180. (In Russ.)

15. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Basics of Textual Criticism]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 175 p. (In Russ.)

16. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950–1967. (In Russ.)

17. Timenchik, R.D. "Retenziia na knigu: Kralin M.M. Pobedivshee smert' slovo: Stat' i ob Anne Akhmatovoi i vospominaniia o ee sovremennikakh. Tomsk: Vodolei, 2000" ["Book

Review: Kralin, M.M. The Word that Conquered Death: Articles about Anna Akhmatova and Memories of Her Contemporaries. Tomsk, Vodolei Publ., 2000”]. *Novaia russkaia kniga*, no. 6, 2000, pp. 67–69. (In Russ.)

18. Chernykh, V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi: 1889–1966* [*Chronicle of Life and Work of Anna Akhmatova: 1889–1966*]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Indrik Publ., 2008. 944 p. (In Russ.)

19. Chukovskii, N.K. “V osade (O V.V. Vishnevskom)” [“Under Siege (About V.V. Vishnevsky)”. *Vospominaniia Nikolaiia i Mariny Chukovskikh* [*Memoirs of Nikolai and Marina Chukovsky*], comp., introd. article and comm. by E.V. Ivanova. Moscow, Knizhnyi klub 36,6 Publ., 2015, pp. 352–398. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.02.2023

Одобрена после рецензирования: 31.03.2023

Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 25.02.2023

Approved after reviewing: 31.03.2023

Date of publication: 25.06.2023